

Куцый Андрей

Цикл «Хроники Андари»

АКАДЕМИЯ

Книга первая

Андрей Куцый

Хроники Андариин. Академия

<https://litres.ru/74482929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ещё вчера жизнь Андрея была понятной и предсказуемой. А сегодня он приходит в себя у стен древней Академии — в мире Андария, где магия существует наяву. Человек из мира без магии, он стал первым, кто прошёл сквозь уснувшую порталную арку и остался жив.

Здесь у Андрея открывается редчайший дар Универсала. Но первая же попытка пробудить угасшую сеть порталов выходит из-под контроля — и вырывает из их собственных катастроф ещё четверых: гнома, орчанку, эльфийскую принцессу и юного принца, за которым идёт инквизиция его королевства, где магию зовут скверной и карают смертью.

Пять душ из некогда враждовавших народов, у каждого — своя боль и свой приговор. Чтобы уцелеть и хоть кому-то вернуться домой, им предстоит стать отрядом — и шагнуть туда, откуда живыми выходят немногие: в запечатанный город, где правят нежить и её мёртвые маги.

Первая книга цикла «Хроники Андариин» — о человеке, потерявшем родной мир, но не потерявшем себя.

Содержание

Оглавление	5
Глава 1. Начало. Академия	6
Глава 2. Тестирование	23
Глава 3. Гном	56
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Андрей Куцый Хроники Андариин. Академия

Академия

Цикл «Хроники Андариин» · Книга первая

Куцый Андрей

Оглавление

Глава 1. Начало. Академия

Пробуждение принесло с собой не просто боль, а ощущение полной, сокрушительной катастрофы. Казалось, каждую кость в теле сперва аккуратно раздробили тяжелым кузнечным молотом, а затем наспех склеили обратно, забыв проверить правильность стыков. Череп раскалывался от ритмичных, тяжелых ударов, отдававшихся в висках при каждом ударе пульса, а в пересохшем горле поселилась глухая, колючая сухость, оставляющая горький привкус озона и пережженной меди.

Андрей попытался сделать глубокий вдох, но грудную клетку тут же сдавило тугой, ледяной спазм. Не открывая глаз, он по привычке повел правой рукой в сторону, надеясь нащупать прохладный бок бутылки с водой, которую он всегда оставлял на тумбочке у кровати в своей тесной съемной квартире на окраине родного города. Его пальцы должны были коснуться шероховатых обоев или края старого письменного стола, но вместо этого они погрузились во что-то мягкое, влажное и прохладное. Андрей вздрогнул. Пальцы судорожно сжались, вырывая с корнем пучок густой, пахнущей клевером и утренней росой травы.

Он резко открыл глаза и тут же зажмурился от яркого, бьющего сверху света. Голова отозвалась новой вспышкой боли, заставившей его глухо застонать. Переждав несколь-

ко секунд, Андрей предпринял вторую попытку и медленно приподнялся на локтях, оглядываясь по сторонам. Вокруг него раскинулась колоссальная, залитая мягким золотистым светом поляна. Андрей сидел, прислонившись спиной к невероятному, исполинскому древесному стволу. Кора дерева была теплой, шероховатой и отливала благородным медным оттенком, а высоко вверху, застилая собой половину небосвода, колыхалась плотная крона из огромных золотых листьев, тихо шуршащих от легкого ветра. Воздух здесь был удивительно чистым, прохладным и пах медом, хвоей и цветущим вереском.

Андрей потряс головой, пытаясь прогнать наваждение. В его памяти еще свежи были воспоминания о вчерашнем вечере: холодный декабрьский ветер, колющий снег в лицо, унылые серые сугробы у входа в тускло освещённый подземный переход и тусклый свет ламп в душной конторе, где он допоздна разбирал завалы бумаг и старых отчётов. Он отчетливо помнил, как ловил попутную машину на обледенелой дороге, как садился в тесную, промёрзшую кабину... А теперь под его босыми ногами расстился мягкий зеленый ковер, а теплое солнце мягко припекало плечи сквозь мятую тунику.

Андрей ущипнул себя за предплечье — сильно, до багрового следа. Боль была мгновенной и очень реальной.

— Это не сон, — негромко произнес он, едва узнавая собственный голос. Горло саднило, а слова прозвучали глухо и

наждачно. — И это точно не дом. Значит, я либо окончательно сошел с ума, либо...

Он не стал договаривать. Мысли, привыкшие к строгой логике и структуре, лихорадочно искали рациональное объяснение, но привычные законы пасовали перед окружающим пейзажем. Андрей медленно, цепляясь за выступы теплой коры исполинского дерева, поднялся на ноги. Его колени мелко дрожали, а в груди, прямо напротив сердца, ворочался странный, зудящий вакуум, словно внутри него открылся пустой резервуар, требующий немедленного наполнения.

Осмотревшись, он заметил узкую тропинку из аккуратно подогнанных белых каменных плит, петлявшую среди густых кустов цветущего сиреневого вереска. Других ориентиров не было. Андрей сделал глубокий вдох, стараясь унять внутреннюю дрожь, и осторожно пошел вперед.

Каждый шаг по теплomu камню отзывался легким покалыванием в ступнях. Вскоре кусты расступились, и Андрей замер, пораженный открывшейся картиной.

Перед ним возвышался грандиозный замковый комплекс, словно высеченный из единого монолита светлого перламутрового камня. Огромные башни уходили так высоко вверх, что их шпили буквально растворялись в легком мареве полупрозрачного купола, который накрывал всю территорию огромным радужным пузырем. Стены замка были покрыты тончайшей резьбой, в которой угадывались изображения звездных карт и неизвестных созвездий. Перед главным вхо-

дом, у моста через глубокий ров, застыли две колоссальные десятиметровые статуи драконов из серого камня, выглядевшие настолько детально и живо, словно они просто замерли на мгновение перед вдохом.

Стоило Андрею приблизиться к мосту на несколько шагов, как пространство перед ним подернулось легкой рябью, а булыжные глаза правого дракона внезапно вспыхнули тусклым багровым огнем.

— Прошу представиться и назвать цель посещения обители, — голос, прозвучавший со всех сторон сразу, был сухим, ровным и тяжелым, словно терлись друг о друга две гранитные плиты.

Андрей инстинктивно отступил на шаг, сжав кулаки. Сердце бешено заколотилось в горле. Первая мысль — стража, проверка, пропуск. Его разум мгновенно попытался классифицировать происходящее.

— Я... меня зовут Андрей, — крикнул он в пустоту, стараясь, чтобы его голос не слишком дрожал. — Я не знаю, какая цель. Я просто проснулся на поляне под тем золотым деревом. Я не знаю, как сюда попал и где нахожусь. Здесь есть кто-нибудь живой?

Наступила долгая пауза. Рябь в воздухе стала медленнее, а багровый огонь в глазах каменного ящера слегка поутих.

— Меллорн эльфов, — в голосе невидимого собеседника проступили новые, удивленные интонации, лишённые прежней механической сухости. — Этот узел Пространства дей-

ствительно использовался как точка привязки для дальних переходов. Но вы — человек. В вашей сути нет и следа древнего эха звездных дорог. Вы физически не могли пройти по этим путям самостоятельно.

— Тем не менее, я здесь, — Андрей показал свои пустые ладони и босые ноги. — И мне бы очень хотелось зайти внутрь. На улице, конечно, красиво, но я замерз, хочу пить и очень хочу понять, что происходит.

— Законы гостеприимства предписывают дать приют путнику, — рассудил голос. — Внешняя защита вас пропустила — вы не несёте угрозы. Гостевой допуск открыт. Вы можете войти на территорию замка. Слева от ворот находится приют для гостей. Располагайтесь там.

— А мы можем поговорить лично? — спросил Андрей, глядя на каменную морду дракона. — Разговаривать со стенами довольно непривычно.

— Я могу принять осязаемый облик для удобства общения, — ответил голос. — Закройте глаза и представьте того, чье присутствие не вызовет у вас тревоги.

Андрей послушно прикрыл глаза. В его памяти сами собой всплыли образы из старых иллюстрированных книг по истории, которые он любил рассматривать в детстве: благородный рыцарь в тяжелых доспехах, с мудрым лицом, аккуратной бородой и тяжелым мечом на поясе.

Раздался тихий, мелодичный звон, похожий на касание хрусталя. Андрей открыл глаза.

Прямо перед ним на мосту стоял мужчина среднего возраста. Его лицо было волевым и спокойным, темные волосы тронула легкая седина, а тяжелые стальные латы, покрытые глубокими вмятинами от былых сражений, выглядели абсолютно реальными. За его плечами мягко колыбался тяжелый красный плащ.

— Давайте познакомимся должным образом, — произнес рыцарь, протягивая Андрею широкую, мозолистую ладонь. — Я — Страж этой обители. Мое имя — Арн.

Андрей осторожно пожал протянутую руку. Ладонь Стража оказалась удивительно теплой, твердой и сухой, хотя Андрей подсознательно ожидал почувствовать пустоту иллюзии или холод призрака.

— Вы выглядите очень... настоящим для охранного духа, — тихо заметил Андрей, чувствуя, как паника постепенно отступает, уступая место его природному профессиональному любопытству.

— Материальное воплощение полностью соответствует оригиналу, — спокойно ответил Арн, делая приглашающий жест в сторону ворот. — Я вижу, что ваша внутренняя сила совершенно истощена, Андрей. Переход между мирами выпил вашу энергию до капли. Пойдемте в приют. Вам нужно согреться и восстановить силы, а мне — понять, как вам удалось сотворить невозможное и выжить.

Они медленно двинулись через просторный внутренний двор замка. Белые мраморные плиты под их ногами были

частично разрушены временем, и сквозь глубокие трещины пробивалась густая, сочная зеленая трава. Вокруг царило странное, почти торжественное молчание. Ворота замка закрылись, а высокие перламутровые стены величественных башен уходили высоко вверх, растворяясь в прозрачном воздухе под переливающимся радужным куполом.

Андрей шел следом, стараясь не отставать. Прохладный камень плит мягко ступал под ногами, но в груди по-прежнему ворочалась та же тянущая пустота — словно что-то жизненно важное выгорело дотла во время этого безумного перемещения. В голове все еще шумело, и каждый шаг давался с трудом, но природное любопытство заставляло его внимательно вглядываться в каждую деталь этого удивительного места.

Они миновали несколько широких арочных переходов, украшенных тонкой резьбой, и направились к уютному деревянному зданию, расположенному слева от главных ворот. Над тяжелой дубовой дверью плавно покачивалась от легкого ветра деревянная вывеска, на которой было вырезано изображение пузатой кружки и ухмыляющейся кабаньей головы.

— Гостиница находится здесь, — произнес Страж, толкая тяжелую дверь плечом. — В прежние времена наши ученики любили собираться в этих стенах после тяжелых тренировок на полигоне. Располагайтесь.

Внутри таверны было тепло и удивительно уютно. Поме-

щение пахло сушеной хвоей, старым деревом и, к огромному удивлению Андрея, аппетитным ароматом сочного жареного мяса. Массивные дубовые столы были чисто вымыты, а натертая до блеска барная стойка отражала мягкий свет, проникающий сквозь узкие стрелчатые окна. Однако за стойкой никого не было. Зал казался абсолютно пустым.

Страж прошел к центру помещения, повернулся к стойке и уверенно взмахнул своей мозолистой рукой.

— Теодор! Пробуждение! — звучно скомандовал он.

Воздух за стойкой мгновенно подернулся золотистой рябью. С тихим, мелодичным звонком, похожим на шорох падающих листьев, прямо из воздуха соткалась дородная мужская фигура. Это был плотный, добродушный мужчина с внушительным животом и круглым, приветливым лицом. На нем был надет чистый холщовый фартук поверх просторной серой рубахи, а аккуратно подстриженная борода и теплые карие глаза завершали образ классического, радушного трактирщика.

— Приветствую вас в моей обители, господа! — громко и гласно пробасил мужчина, и его голос наполнил таверну живым теплом. Он проворно схватил чистое полотенце и принялся протирать столешницу, словно и не спал последнюю тысячу лет. — Что почтенные гости будут заказывать в этот прекрасный утренний час? У меня как раз томится в печи свежее жаркое из лесного вепря, а эль сегодня на удивление холоден и бодрит дух.

— Жаркое из кабана, Теодор, — спокойно ответил Страж.
— И две кружки твоего лучшего темного эля. Нашему гостю нужно восстановить силы после долгой дороги.

— Будет исполнено в лучшем виде, благородный Арн! — трактирщик весело подмигнул и скрылся на кухне, откуда тут же донеслось веселое шкворчание масла и умопомрачительный аромат пряных трав и жареного мяса.

Андрей осторожно опустился на тяжелую деревянную скамью, чувствуя, как его уставшие ноги наконец-то расслабляются. Он посмотрел на Стража, который устроился напротив него, бережно положив свои тяжелые латные рукавицы на край стола.

— Его зовут Теодор, — пояснил Страж, заметив недоумение на лице Андрея. — В прошлой жизни он был великим мастером бытового созидания, который добровольно согласился запечатлеть свой разум внутри этого здания. Он не чувствует усталости, не знает уныния и всегда рад живым лицам.

— Значит, он тоже... не совсем живой? — тихо спросил Андрей.

— Он — эхо ушедшей эпохи, — мягко ответил рыцарь.
— Как и я, и вся эта Академия. Мы — лишь слепки тех, кто остался защищать эти стены двенадцать веков назад, когда мир вокруг погрузился в хаос. Но магия, заложенная в нас создателями, позволяет нам оставаться осязаемыми и помогать тем, кто приходит сюда.

В этот момент дверь кухни распахнулась, и Теодор с поразительной для его габаритов ловкостью водрузил на стол огромное деревянное блюдо, над которым поднимался густой, аппетитный пар. Рядом он поставил две тяжелые глиняные кружки, до краев наполненные темным, пенящимся напитком, и пышную горбушку свежего ржаного хлеба.

Андрей почувствовал, как у него перехватило дыхание. Жаркое выглядело невероятно сочным: крупные куски поджаристого мяса были покрыты золотистой корочкой и обильно политы густым соусом с диким чесноком и лесными ягодами, а рядом красовались дольки запеченного картофеля, посыпанные сушеной зеленью.

— Приятного аппетита, господин Андрей! — Теодор отвесил шутливый поклон и вернулся к своей стойке, тихонько напевая под нос веселую застольную балладу.

Андрей взял тяжелую вилку и отрезал первый кусочек нежного, тающего во рту мяса. Настоящая, сытная и горячая пища мгновенно наполнила его тело удивительным согревающим теплом. Проглатывая сочный кусок, он невольно закрыл глаза от удовольствия.

В этот миг контраст между его прежней жизнью и этой реальностью проявился особенно остро. В его мыслях всплыли воспоминания о далёком доме. Андрей отчетливо вспомнил свою тесную, съемную однокомнатную квартиру на окраине города, бесконечную суету заснеженных декабрьских улиц, серую ледяную жижу под ногами и тусклый свет ламп, где он

часами разбирал ворохи бумаг и запутанные отчёты. Там, в суматохе огромного города, люди вечно спешили, а продукты казались безвкусными. Здесь же, под защитой переливающегося радужного купола, все было невероятно настоящим, живым и дышало перевозданной силой.

— Это лучшее, что я когда-либо ел, Арн, — искренне произнес Андрей, делая глубокий глоток прохладного, терпкого эля, который приятно обжег горло и окончательно вымыл остатки дорожного холода из его тела. — Удивительно, как пища сохраняет такую свежесть.

— Магические контуры Андарики удерживают время внутри этой гостиницы в состоянии вечного баланса, — ответил Страж, пригубив свой эль. — Для продуктов здесь всегда длится тот самый день, когда их принесли из оранжерей. Ешьте и ни о чем не беспокойтесь. Ваше магическое ядро сейчас полностью пусто, и вашему телу нужны калории, чтобы начать восстанавливать внутренние силы.

Андрей благодарно кивнул и принялся за еду с удвоенным аппетитом, чувствуя, как с каждым кусочком мяса к нему постепенно возвращается былая уверенность, а звенящий вакуум в груди начинает сменяться мягким, успокаивающим теплом.

Андрей ел сосредоточенно и молча, боясь расплескать то удивительное, сытное тепло, что с каждым проглоченным кусочком нежного мяса расходилось по его телу. Горячий эль приятно кружил голову, снимая накопленную усталость

и успокаивая ноющие мышцы. Пустота в груди, которая в первые минуты после пробуждения казалась ледяной и со-
сущей, теперь постепенно затягивалась, сменяясь мягким,
дремлющим покоем. Настоящая, честная еда творила чуде-
са, возвращая растерявшемуся человеку твердую почву под
ногами.

Страж Арн не торопил своего гостя. Он сидел напротив,
подперев подбородок ладонью в тяжелой стальной перчатке,
и вдумчиво наблюдал за ним.

Наконец Андрей отложил вилку, сделал глубокий глоток
из тяжелой кружки и откинулся на спинку дубовой скамьи.

— Спасибо, Теодор, — негромко сказал он в сторону
стойки. — Это было действительно потрясающе.

Трактирщик, продолжавший натирать чистые стаканы в
глубине зала, лишь добродушно ухмыльнулся и приветливо
взмахнул полотенцем, продолжая напевать свою нехитрую
мелодию.

Андрей перевел взгляд на Арна.

— Вы сказали, что последний живой человек покинул это
место больше тысячи лет назад, — заговорил он, стараясь
говорить спокойно и взвешенно. — Но как такое возможно?
Академия выглядит величественно, купол переливается, еда
свежая. Да и вы с Теодором кажетесь более чем осязаемыми.
Где все остальные? И что это за мир?

Арн медленно вздохнул, и этот звук прозвучал как шорох
сухого песка по камню.

— Наш мир зовется Андарией, Андрей, — тихо начал Страж. — В прежние времена, до того как великая тишина опустилась на эти земли, Андария была сердцем огромного обитаемого мира. Здесь пролегали пути многих народов. Высоко в кронах деревьев парящего Астериона жили мудрые эльфы, глубоко под землей в своих каменных чертогах трудились искусные гномы, в бескрайних вольных степях кочевали гордые племена орков, а на побережьях великих морей строились каменные города людей. И Академия была главным перекрестком для всех них. Сюда приходили те, кто искал знания и стремился обуздать силу, дремлющую в их телах.

— Но что случилось потом? — спросил Андрей, ловя каждое слово рыцаря.

— Сила всегда притягивает зависть и страх, — сурово ответил Арн. — Маги нашей Академии открыли великий способ запечатлевать разум и волю разумных существ внутри благородного камня и древних артефактов. Это было сродни обретению вечной памяти, бессмертию духа без тлена плоти. Многие влиятельные аристократы внешних королевств, не обладавшие достаточными способностями для такого перехода, потребовали поделиться с ними этой тайной. Им отказали, ведь неготовому разуму такая сила приносит лишь безумие. Тогда внешние правители объединились. Началась долгая, беспощадная осада. Академию пытались взять измором и разрушить до основания.

Страж замолчал на мгновение, его призрачные пальцы непроизвольно сжались на эфесе меча.

— Когда стены начали рушиться, верховный архимаг Нандориал принял единственное верное решение. Он задействовал древние защитные контуры замка и накрыл всю территорию Академии непробиваемым радужным куполом, полностью изолировав нас от внешнего хаоса. Он лично возглавил последнюю оборону у ворот и пал в бою, за тем забрав с собой предводителей нападавших. Но купол выстоял. Он стоит уже тысячу двести тринадцать лет. А мы... мы те, кто добровольно согласился остаться здесь в виде духовных копий, чтобы хранить знания и оберегать эти стены до тех пор, пока в обитель снова не вернется жизнь.

— Значит, вы все — призраки? — Андрей невольно посмотрел на свои руки, вспоминая, как крепко Страж сжимал его ладонь на мосту.

— Мы — слепки душ, запечатанные в магическом каркасе замка, — пояснил Арн. — Благодаря великому резервуару сил Академии, мы можем принимать плотную, материальную форму, разговаривать, держать оружие и даже чувствовать вкус эля. Но мы не можем покинуть пределы купола. Для нас весь остальной мир перестал существовать в тот день, когда Нандориал запечатал врата.

Андрей молча переваривал услышанное. История древней Академии, превратившейся в величественный склеп для преданных своему делу душ, потрясла его. Но среди всех

этих открывшихся тайн его острый ум упорно цеплялся за один, самый важный для него вопрос.

— Арн, а как мне вернуться обратно? — тихо спросил Андрей, глядя в мудрые глаза Стража. — В мой мир. Там у меня осталась квартира, работа, привычные улицы. Я не могу просто остаться здесь навсегда.

Рыцарь грустно покачал головой.

— Прямого пути в твой мир у нас нет, Андрей. Наша сеть переходов, которая когда-то связывала Академию со многими сопредельными землями, сейчас полностью угасла и спит. Чтобы запустить её, нужен колоссальный объем чистой магии. Твое магическое ядро сейчас полностью пусто, оно едва начинает наполняться после тяжелого перехода. Тебе нужно восстановить силы.

Арн поднялся из-за стола.

— Завтра утром мы отправимся в Приемный зал, — продолжил Страж. — Ректор Нандориал и другие учителя должны осмотреть тебя и провести испытание твоих способностей. Мы должны понять, какой именно дар дремлет в твоей сути. Только так мы сможем найти лазейку и попытаться построить проход обратно. А пока — тебе нужен отдых. Пойдем, я покажу тебе твои покои.

Андрей поднялся вслед за рыцарем. Усталость снова начала клонить его в сон, а веки казались налитыми свинцом. Горячее жаркое и эль окончательно расслабили его тело.

Они поднялись по широкой дубовой лестнице на второй

этаж гостиницы. Арн открыл перед Андреем тяжелую дверь простой, но очень чистой и уютной комнаты. Внутри стояла массивная деревянная кровать с мягкими перинами, дубовый стол и небольшой шкаф для вещей. На прикроватной тумбочке мягко светился хрустальный шар на каменной подставке с медным основанием, наполняя комнату ровным, лавандовым светом.

— Располагайся, Андрей, — мягко сказал Страж, оставиваясь на пороге. — На подставке есть колесико. Поверни его, если свет будет мешать спать. Набирайся сил. Завтра будет сложный и важный день. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Арн, — ответил Андрей.

Когда Страж закрыл дверь, Андрей подошел к окну и приоткрыл тяжелую створку. В комнату ворвался прохладный ночной воздух, пахнувший жасмином и сырой землей. Далеко в темноте, раскинувшись над заснувшим парком, едва заметно пульсировал огромный радужный купол, усыпанный миллиардами далеких, холодных звезд. Где-то там, за этой хрупкой переливающейся границей, лежал огромный, неизведанный и пугающий мир Андариин. А на Земле, в его далёком родном городе, сейчас, должно быть, шел колючий декабрьский снег, и серые вереницы машин везли уставших людей по обледелым проспектам.

Андрей закрыл окно, задвинул тяжелый засов на двери и подошел к прикроватной тумбочке. Он аккуратно повернул маленькое медное колесико на основании светильника.

Крошечные металлические шторки внутри шара плавно сомкнулись, скрыв светящийся кристалл и погрузив комнату в уютный, умиротворяющий полумрак. Андрей, облегченно вздохнув, опустился на мягкую, пахнущую лавандой постель. Через минуту он уже спал глубоким, безмятежным сном под тихий, едва различимый гул великого магического купола, ставшего его новой защитой.

Глава 2. Тестирование

Пробуждение на второй день в ином мире оказалось гораздо более спокойным. Когда Андрей открыл глаза, он обнаружил себя в той же уютной постели под мягким одеялом. Тело уже не болело так нестерпимо, однако в мышцах оставалась тяжелая свинцовая лень. В груди все еще ощущалась странная, бездонная пустота. Словно там, где у обычного человека бьется теплое дыхание жизни, сейчас находился сухой и холодный колодец. Его внутренний резерв сил, его магическое ядро, было опустошено до самого дна, и Андрей чувствовал себя обычным человеком, лишенным даже малейшей искры той непонятной энергии, о которой вчера говорил Страж.

Сквозь щели в деревянных ставнях пробивались косые золотистые лучи утреннего солнца. В их теплом свете лениво кружились пылинки, медленно опускаясь на начищенные доски пола. В комнате стояла густая тишина, нарушаемая лишь далеким, едва различимым пением птиц в саду.

Андрей перевернулся на бок и огляделся. Светильник-сфера с медным колесиком на подставке молчал, темный и холодный. Вчера он просто повернул латунный регулятор, опустив шторы, и комната погрузилась в темноту. Никакой магии, никакого чуда — чистая механика. Андрей вздохнул, уводя взгляд к потолку.

Ему все еще с трудом верилось в реальность происходящего. В его памяти жили картины унылой зимы родного города: мокрый снег, забивающийся под воротник куртки, бесконечные вереницы серых машин на утренних улицах и гул вечернего города после тяжелого рабочего дня. На окраине родного города, в своей тесной съемной квартирке, он привык жить по строгому расписанию, ловя редкие попутные машины сквозь декабрьские сугробы. А теперь он лежал в заброшенной магической Академии под защитой гигантского радужного купола, и за ним присматривал призрак древнего рыцаря.

В дверь комнаты негромко постучали. Андрей вздрогнул от неожиданности и приподнялся на локтях.

— Господин Андрей, вы уже проснулись? — донесся из-за двери знакомый, добродушный бас трактирщика. — Солнце уже высоко над куполом, а у меня на кухне стынет завтрак, способный вернуть к жизни даже самого уставшего путника.

Андрей поспешно спустил ноги на прохладный пол. У самого порога, там, где вчера ничего не было, стояла пара крепких кожаных сапог — простых, но добротных, явно принесенных заботливым трактирщиком, пока гость спал. Андрей натянул их: сапоги пришлись почти впору, лишь чуть свободные в голенище. Он оделся и с наслаждением потянулся.

— Да, Теодор, я уже встаю! — крикнул он. — Сейчас спущусь.

— Вот и славно, — весело отозвался трактирщик. — Жду вас внизу. Поспешите, пока корочка на хлебе не потеряла свою хрусткость.

Андрей умылся прохладной водой из фаянсового кувшина, стоявшего на столике у окна, и вышел в коридор. Спускаясь по широкой винтовой лестнице в обеденный зал, он сразу почувствовал, как его рот наполняется слюной. Таверна была буквально заполнена умопомрачительными ароматами. Пахло жареным луком, топленым маслом, свежей зеленью и чем-то неуловимо сладким, напоминающим печеные лесные яблоки.

В зале было тепло и светло. Огромный очаг в углу тихонько потрескивал сухими березовыми дровами, бросая мягкие блики на чисто вымытые столы. За барной стойкой высилась фигура Теодора. Хозяин таверны, сияя чистейшим белоснежным фартуком, с сосредоточенным видом раскладывал что-то по глиняным тарелкам. Заметив Андрея, Теодор просиял широкой улыбкой.

— Доброе утро, Андрей! — громогласно поприветствовал он гостя. — Садись за тот стол у окна, там сейчас самое приятное солнце. Как твои кости? Накануне ты выглядел так, словно тебя переехал тяжелый рудный обоз.

Андрей улыбнулся и послушно прошел к указанному столу, присаживаясь на деревянный стул.

— Доброе утро, Теодор. Сегодня уже гораздо лучше, спасибо. По крайней мере, голова больше не напоминает гудя-

щий колокол. Но внутри... внутри все еще очень странное чувство пустоты.

— И это совершенно естественно, — трактирщик подошел к столу, неся в руках массивный деревянный поднос. — Вчерашний переход между мирами буквально выжал твою внутреннюю силу до последней капли. Твое магическое ядро сейчас похоже на высохший колодец в разгар летней засухи. И лучшая магия для него сейчас — это хорошая, сытная еда.

С этими словами Теодор водрузил перед Андреем глубокую глиняную тарелку. На ней шкворчала яичница из трех яиц с ярко-оранжевыми желтками. Рядом лежали крупные, сочные дольки красных томатов, обильно посыпанные свежей рубленой петрушкой и пряными травами, а также несколько толстых кусков теплого, только что испеченного ржаного хлеба с золотистой хрустящей корочкой.

Андрей затаил дыхание. Томаты выглядели настолько спелыми и глянцевыми, словно их только что сорвали с ветки под жарким полуденным солнцем.

— Клянусь, они пахнут настоящим летом, — искренне произнес Андрей, беря в руку тяжелую кованую вилку.

— А как иначе? — гордо подбоченился Теодор. — Наши оранжереи в южном крыле замка не знают зимы уже двенадцать веков. Там всегда тепло, а земля помнит заботу эльфийских садовников. Ешь, не стесняйся.

Андрей отломил кусочек теплого хлеба, макнул его в жидкий, горячий желток яичницы и отправил в рот. Вкус был

невероятно насыщенным, домашним и настоящим. Сочные томаты взрывались на языке приятной кислинкой, а пряные травы оставляли теплое послевкусие лесного вереска. Он принялся за еду с жадностью голодного человека. Теодор поставил рядом с ним большую кружку с ароматным травяным чаем, от которого поднимался легкий пар с запахом мяты и дикого меда.

Трактирщик присел на край соседней скамьи, дружелюбно наблюдая за Андреем.

— Сегодня у тебя очень важный день, Андрей, — негромко произнес Теодор. — Страж Арн скоро придет за тобой. Он поведет тебя в Приемный зал центральной башни, где соберутся великие наставники прошлого.

Андрей отпил глоток чая и нахмурился, чувствуя, как к горлу подступает легкий комок волнения.

— Теодор, а кто они? Эти наставники. Арн говорил, что они тоже духовные слепки.

— Именно так, — кивнул трактирщик. — Но не бойся их. Они были лучшими умами Андари. Ректор Нандориал — величайший мастер пространственных переходов и создатель этого радужного купола. Гролл — суровый воин, ведающий магией Земли, который учил молодых орков и гномов держать строй и сливать свою силу со сталью. Прекрасная Эленора — вспыльчивая наставница Огня, а тихая Кларисса — целительница, знающая все тайны человеческого тела.

— И что они будут делать со мной? — тихо спросил Андрей.

— Они будут проверять твою суть, твою предрасположенность к силам этого мира, — мягко ответил Теодор. — Кажется, кто переступает порог Академии, подводят к великому измерительному кристаллу. Кристалл ощущает вибрации твоего тела и показывает, к какой стихии созвучен твой разум. Они должны понять, кто ты такой и как твоя сила помогла тебе выжить при переходе.

Андрей задумчиво побарабанил пальцами по столу. Его практический ум инстинктивно пытался найти понятные физические аналогии. Он мысленно сравнил этот измерительный кристалл с тонким чутким камнем-пробником, который ощущает нового гостя, едва тот переступает порог обители, пытаясь нащупать его суть и предрасположенность. Ему предстояло пройти своего рода первичную проверку в этом величественном источнике сил.

— А что, если кристалл ничего не покажет? — спросил Андрей, глядя на Теодора. — Если я окажусь обычным человеком без всяких способностей? На Земле у нас нет никакой магии.

Теодор тихо рассмеялся и ободряюще похлопал его по плечу.

— Обычный человек не смог бы пройти сквозь запечатанную тысячу лет назад порталную арку и выжить, Андрей. Твое тело пропитано эхом звездных путей. Просто твое ядро

сейчас пусто, и кристалл может не сразу уловить твои вибрации. Не переживай. Слушай наставников, отвечай честно и, главное, ничего не бойся. В этих стенах тебе никто не причинит вреда.

В этот момент тяжелая дубовая дверь таверны тихонько скрипнула, впуская в зал свежий прохладный воздух утреннего парка и высокую фигуру Стража Арна в доспехах.

— Время пришло, Андрей, — спокойно произнес рыцарь, останавливаясь у порога. — Наставники уже ждут нас в Приемном зале. Пора отправляться в замок.

Они вышли на улицу, и прохладный утренний воздух Андарики тут же наполнил легкие Андрея. После теплого и сытного уюта таверны Теодора здешняя прохлада приятно бодрила, окончательно прогоняя остатки дремоты. Небо над Академией было удивительно чистым, нежно-бирюзового оттенка, а накрывающий ее гигантский радужный купол медленно переливался под лучами восходящего солнца, улавливая и отражая золотистые блики.

Страж Арн шел впереди уверенным шагом, задавая ровный ритм движению. Андрей следовал за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам. Подошвы его новых сапог мягко ступали по аккуратной дорожке из белых каменных плит. Кое-где сквозь плотные швы пробивались тонкие стебли незнакомых сиреневых цветов, похожих на вереск, которые источали едва уловимый, сладковатый аромат.

Вокруг расстился колоссальный, но явно заброшенный

парк. Величественные деревья с серебристой листвой высились подобно древним колоннам, их ветви плавно покачивались на легком ветру. В отдалении виднелись полуразрушенные белокаменные беседки, оплетенные увядшим плющом, и высохшие чаши фонтанов, украшенные изящной резьбой с изображениями звездных карт. Время не пощадило это место, оставив на благородном камне трещины и пятна серого мха, но даже в таком виде Академия поражала своими грандиозными масштабами.

— Арн, — негромко позвал Андрей, ускоряя шаг, чтобы поравняться с рыцарем. — А почему эти деревья серебряные? На Земле я таких никогда не видел.

— Это лунные ясени, — спокойно ответил Страж, не замедляя шага. — Древнейшая порода, выращенная эльфийскими мастерами созидания. Они впитывают свет звезд и отдают его по ночам, освещая дорожки парка без всякого волшебства. Но сейчас, когда в обители нет учеников, их сила угасает. Для полноценной жизни им нужно созвучие с живыми душами.

Андрей задумчиво кивнул. Он посмотрел на возвышавшуюся впереди замок. С этого ракурса центральная башня Академии казалась поистине исполинской. Она уходила так высоко вверх, что ее острый шпиль буквально царапал облака у самой вершины радужного барьера. Ее стены, высеченные из перламутрового монолита, мягко светились на солнце, а узкие стрельчатые окна походили на темные, муд-

рые глаза древнего исполина, наблюдающего за крошечными путниками внизу.

Они подошли к широкому глубокому рву, заполненному чистой, прозрачной водой. Через него вел массивный арочный мост из белого гранита, упирающийся в колоссальные ворота замка. По обе стороны от ворот, на высоких постаментах, застыли две величественные десятиметровые статуи драконов из темного, почти черного камня. Каждая деталь этих чудовищ была проработана с пугающей точностью: мощные когтистые лапы, плотно прижатые к бокам кожистые крылья, длинные шипастые хвосты и вытянутые морды с полуоткрытыми пастьми, в которых виднелись ряды острых клыков.

Андрей инстинктивно замедлил шаг, почувствовав, как спина покрывается мелкими мурашками. Драконы выглядели настолько натурально, словно они просто застыли на мгновение, вглядываясь в проходящих мимо существ, и были готовы в любую секунду ожить и обрушиться на нарушителей свой гнев.

— Не бойся, — не оборачиваясь, произнес Арн. — Это не просто украшение. Это Великие Стражи внешнего порога, созданные мастерами рунного дела еще во времена основания Академии. Они охраняют покой учителей и учеников от незваных гостей.

Когда они ступили на гранитные плиты моста, Андрей внезапно почувствовал, как воздух вокруг них уплотнился,

став вязким и тяжелым. Раздался тихий, нарастающий гул, похожий на вибрацию натянутой струны. В его мыслях родилась понятная физическая аналогия. Он сопоставил это ощущение с прохождением через невидимую стену плетёной охранной чары, когда невидимая теплая волна омывает стоящего, выявляя его суть и определяя, друг он или враг. Защитное заклятие замка прямо сейчас ощупывало его, пытаюсь узнать незнакомца.

Булыжные, матовые глаза правого дракона внезапно вспыхнули багровым огнем, медленно разгораясь в полумраке ворот. Голова исполинского ящера с тяжелым каменным скрежетом повернулась на несколько градусов, уставившись прямо на Андрея. Из полуоткрытой пасти вырвалось легкое облачко горячего пара, пахнувшего озоном и жженой медью.

Андрей замер на месте, затаив дыхание. Его сердце бешено заколотилось в груди, а пустота в груди отозвалась тревожным трепетом.

— Назвать имя и суть! — голос, прозвучавший со всех сторон сразу, был ровным, тяжелым и лишенным каких-либо эмоций. Казалось, это говорит сама земля под их ногами.

— Андрей с Земли, — твердо ответил Страж Арн, делая шаг вперед и заслоняя его собой. — Он прибыл по зову древних плит. Я веду его к Ректору Нандориалу для прохождения испытания в Приемном зале. Пропусти, старый страж.

Глаза дракона продолжали светиться багровым пламенем. Андрей почувствовал, как невидимая, теплая волна медлен-

но прокатилась по его телу с головы до ног, словно считывая суть его опустошенного естества. Это было странное ощущение легкого щекотания в ребрах и тепла в ладонях.

Спустя несколько бесконечно долгих секунд багровый огонь в каменных глазах плавно угас, сменившись мягким, ровным золотистым свечением.

— Личность подтверждена. Гость допущен к испытанию духа, — пророкотал невидимый голос.

Раздался тяжелый, протяжный гул. Исполинские створки ворот, скованные из темного железа и украшенные сложными рунными переплетениями, медленно и бесшумно поползли внутрь стены, открывая проход в прохладный полумрак вестибюля башни.

Андрей шумно выдохнул, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает его плечи.

— Это было... довольно впечатляюще, — тихо признался он, утирая проступивший на лбу холодный пот.

— Безопасность Академии всегда стояла на первом месте, — Арн повернулся к нему и ободряюще улыбнулся. — Драконы помнят каждого, кто когда-либо обучался в этих стенах. То, что они пропустили тебя без лишних вопросов, подтверждает: замок принял тебя как гостя. Твое ядро пусто, но сама твоя суть не несет в себе угрозы для обитали. Пойдем, наставники уже заждались.

Они шагнули под высокие своды вестибюля, и тяжелые ворота за их спинами так же бесшумно сомкнулись, отсекая

яркий свет утреннего солнца и погружая их в торжественную прохладу древней башни.

Они миновали просторный вестибюль, стены которого были облицованы гладкими плитами из редкого зеленого мрамора с прожилками серебра, и остановились перед высокими двустворчатыми дверями. Темная бронза створок была покрыта сложными рельефами, изображавшими созвездия и орбиты небесных тел. Страж Арн прижал свою тяжелую ладонь к массивному медному кольцу в центре левой створки, и металл ответил глубоким, мелодичным звоном. Двери медленно разошлись в стороны, открывая проход в колоссальное помещение.

Андрей переступил порог и невольно затаил дыхание. Перед ним раскинулся величественный Приемный зал центральной башни, масштабы которого заставили бы померкнуть любой земной собор. Высокий куполообразный свод уходил далеко вверх, теряясь в сияющем полумраке. Вместо привычного потолка там медленно вращались огромные полупрозрачные диски, на которых мерцали миллионы крошечных разноцветных звезд. Прямо в воздухе, на разной высоте, плавно покачивались десятки крупных хрустальных сфер, наполнявших зал ровным, теплым светом, похожим на мягкое полуденное солнце.

Пол зала был выложен плитами из полированного обсидиана, в которых, словно в темной воде, отражался звездный потолок и парящие светила. По всему периметру высились

монументальные колонны, оббитые резными каменными лозами и увенчанные чашами с благовониями, от которых поднимался тонкий, едва заметный дымок с ароматом сушеной лаванды и лесной хвои.

В самом центре зала, на небольшом возвышении из серого гранита, стояли четыре величественные фигуры. Они выглядели абсолютно реальными, теплыми и осязаемыми людьми из плоти и крови, и лишь тонкое, едва заметное золотистое свечение вокруг их силуэтов напоминало об их необычной природе.

— Приветствую тебя, Страж, — негромко произнес пожилой мужчина, стоявший впереди остальных.

Его голос, несмотря на мягкость, прозвучал на удивление чисто и заполнил собой все огромное пространство зала. Это был верховный архимаг и Ректор Академии, Нандориал. Длинная серебряная борода спускалась почти до его пояса, а просторная мантия была расшита созвездиями, которые медленно перемещались по ткани, живя своей собственной космической жизнью. Его глубокие карие глаза светились невероятной, вековой мудростью и затаенной печалью.

— Рад видеть вас в добром здравии, господин Ректор, — Арн почтительно склонил голову, прижав правую руку к стальной груди. — Я исполнил свой долг. Перед вами путник, который сумел открыть спящие врата и войти под купол.

Четыре пары внимательных глаз одновременно сфокуси-

ровались на Андрее.

Мужчина замер под этим пристальным, изучающим взглядом. Андрей почувствовал, как по его спине пробежал легкий холодок. В его мыслях, привыкших к строгому и логичному устройству вещей, родилась понятная аналогия. Эта встреча с наставниками напоминала ему внезапный сход старых мудрецов или мастеров древнего ордена, которые собрались в заброшенной обители, чтобы лично взглянуть на странного путника, возникшего из ниоткуда пред темными, давно умолкнувшими вратами их угасшего мира.

— Невероятно, — тихо произнесла Кларисса, сделав шаг вперед.

Целительница Кларисса выглядела как молодая темнокудрая женщина с очень мягким, сострадательным лицом, одетая в простое белое платье с вышитыми на рукавах листьями вербены.

— Он полностью материален. В его жилах течет горячая кровь, а сердце бьется ровно и сильно. Но его внутренний резерв сил... его ядро пугающе пусто. Я не чувствую в нем ни малейшей искры маны. Как обычный смертный смог преодолеть пространственный переход и не погибнуть в разрыве миров? Это противоречит всем законам бытия.

— Законы бытия пишутся теми, кто умеет их подчинять, Кларисса, — раздался резкий, звонкий голос.

Эленора, вспыхивая наставница Огня, сложила руки на груди, высокомерно вздернув подбородок. Ее длинные, ог-

ненно-рыжие волосы казались настоящим пламенем, лениво лижущим ее плечи, а в ярких изумрудных глазах прыгали опасные золотистые искры.

— Посмотрите на него. Это зрелый муж с холодным и цепким взглядом, а не растерянный юнец. В его лице нет страха перед нами, лишь праздное любопытство. Но мне тоже интересно, как человек с абсолютно пустым колодцем энергии смог заставить ожить наши рунные плиты.

— Сила не всегда измеряется объемом сырой маны, Эленора, — пробасил четвертый наставник, Гролл.

Это был могучий, широкоплечий воин с суровым лицом, покрытым глубокими шрамами от старых сражений. Его тяжелые доспехи казались высеченными из серого гранита, а на широком поясе висел массивный боевой топор. Он внимательно осмотрел крепкую фигуру Андрея, удовлетворенно кивнув.

— У него хорошая осанка и крепкое телосложение. Этот мужчина явно привык к долгому, упорному труду, пусть его руки и не покрыты мозолями от меча или кузнечного молота. В его разуме чувствуется тяжелая, земная дисциплина. Он выжил, потому что не поддался панике, когда порталный вихрь начал рвать его плоть.

Ректор Нандориал медленно сделал несколько шагов вперед по обсидиановым плитам пола, двигаясь бесшумно и величаво. Он внимательно всмотрелся в лицо Андрея.

— Расскажи нам, путник, — мягко произнес Ректор. —

Из какого мира ты пришел? И как тебе удалось найти путь к нашей заброшенной обители? Ровно тысячу двести тридцать лет назад я лично запечатал этот купол и закрыл все внешние переходы, чтобы спасти то немногое, что осталось от нашего величия. С тех пор ни одна живая душа не переступала этот порог. Твое появление здесь — это величайшая загадка и, возможно, наше спасение.

Андрей перевел дыхание, стараясь говорить спокойно и уверенно. Он понимал, что от его слов сейчас зависит очень многое.

— Я пришел из мира, который мы называем Землей, — ответил Андрей, глядя в мудрые глаза Ректора. — Это очень далеко отсюда, в другом измерении. У нас нет магии, мы не строим радужные купола и не учим заклинания. Наша жизнь подчинена другим законам, законам науки и логики. Я работал с большими объемами информации и сложными механизмами, которые помогали людям общаться на расстоянии.

Наставники переглянулись. В их глазах отразилось искреннее недоумение. Мир без магии казался им чем-то немыслимым, лишенным самой основы жизни.

— Мир без магии... — задумчиво протянул Нандориал, поглаживая серебряную бороду. — Это объясняет, почему твоё ядро спит столь глубоким сном. Твое тело просто никогда не соприкасалось с живыми потоками маны Андари. Но почему тогда древние плиты откликнулись на твой призыв?

— Я не знаю, — честно признался Андрей. — Вчера,

когда я очнулся в парке под золотым ясенем, я чувствовал лишь дикую усталость и тяжкую слабость в груди. Страж Арн помог мне прийти в себя, а Теодор накормил горячим обедом. Но я очень хочу понять, что со мной произошло и как мне вернуться обратно домой.

— Мы поможем тебе разобраться в этом, Андрей с Земли, — тепло улыбнулся Ректор Нандориал. — Но сначала мы должны проверить саму природу твоей души. Мы должны понять, какой скрытый дар дремлет в твоём теле и почему замок признал тебя своим гостем. Для этого тебе предстоит пройти наше традиционное испытание.

Ректор указал рукой вглубь зала, где на высоком постаменте из белого мрамора покоился огромный, гранёный кристалл, медленно вращающийся вокруг своей оси и переливающийся всеми цветами радуги.

— Это великий измерительный кристалл Академии, — торжественно произнес Нандориал. — Подойди к нему, Андрей. Нам нужно увидеть, к какому из элементов Андариин созвучен твой разум.

Андрей медленно пошёл вперед по полированным плитам обсидиана. Его шаги отдавались тихим, глухим эхом в колоссальном Приёмном зале. Обсидиановый пол под ногами был настолько гладким и темным, что казалось, будто он идет прямо по водной глади ночного озера, в котором до мельчайших деталей отражались вращающиеся звездные диски потолка. С каждым шагом приближения к белому мрамор-

ному постаменту в груди Андрея нарастало странное, глухое волнение. В свои тридцать четыре года он привык доверять только холодному рассудку и проверенным фактам, но сейчас сама атмосфера этого древнего зала заставляла его сердце биться быстрее.

Над постаментом медленно, плавно вращаясь вокруг собственной оси, парил измерительный кристалл. Это был граненый многогранник размером с крупную дыню, грани которого мягко преломляли парящие в воздухе лучи искусственных солнц. Внутри кристалла лениво переливался радужный туман, медленно смешивая оттенки алого, лазурного, изумрудного и золотого.

Ректор Нандориал, Эленора, Кларисса и Гролл подошли ближе, встав полукругом позади Андрея. Их фигуры отбрасывали легкие тени на обсидиановый пол, а тонкие золотистые ауры вокруг них едва заметно вибрировали.

— Просто протяни руку и коснись его грани, Андрей, — мягко произнес Нандориал. — Тебе не нужно ничего делать. Кристалл сам считает структуру твоего тела и покажет, к какому из великих элементов Андарики созвучен твой разум.

Андрей глубоко вздохнул, стараясь унять легкую дрожь в пальцах, и протянул правую руку вперед. Он аккуратно прижал раскрытую ладонь к прохладной, безупречно гладкой грани кристалла.

Ничего не произошло.

Кристалл продолжил свое неспешное вращение. Радуж-

ный туман внутри него лениво перетекал из угла в угол, никак не реагируя на прикосновение человеческой ладони. Камень оставался прохладным, чужим и абсолютно равнодушным. Андрей подержал руку еще несколько секунд, а затем медленно опустил ее, повернувшись к наставникам.

— Я же говорил, — в его голосе прозвучало легкое разочарование. — У нас на Земле нет магии. Похоже, ваше устройство просто не видит во мне никаких признаков жизни.

Эленора разочарованно нахмурилась, скрестив руки на груди.

— Быть не может. Если бы он был абсолютно пуст, пространственный вихрь стер бы его в пыль при первом же переходе.

— Успокойся, Эленора, — Кларисса мягко подошла к Андрею и внимательно посмотрела на его руку. — Его ядро не мертво. Оно просто абсолютно, тотально обезвожено. В нем нет ни единой капли свободной энергии после такого невероятного прыжка через измерения. Это как пытаться заставить петь высохший ручей. Ему просто нечего дать кристаллу для анализа.

Нандориал задумчиво погладил длинную серебряную бороду. Его теплое, живое лицо выражало крайнюю степень сосредоточенности.

— Кларисса права, — медленно произнес Ректор. — Нам нужно дать его телу хотя бы малую каплю силы, чтобы про-

будить спящие каналы.

Нандориал запустил руку в глубокий карман своей мантии и извлек оттуда небольшой, идеально ограненный кристалл размером с крупную сливу. Камень был абсолютно прозрачным, словно вырезанным из чистейшего горного хрусталя, но внутри него клубилось густое, плотное облако мягкого золотистого света, пульсирующее в такт невидимому сердцу.

— Это простейший накопитель, наполненный чистой, нейтральной маной Академии, — объяснил Ректор, протягивая камень Андрею. — Возьми его. Подержи в ладони несколько секунд. Твое тело само поглотит то количество силы, которое ему необходимо для первичного пробуждения.

Андрей с некоторым сомнением посмотрел на светящийся кристалл, а затем медленно протянул руку и взял его. На ощупь камень оказался удивительно теплым, почти горячим, словно нагретая на летнем солнце галька. Он плотно сжал пальцы вокруг граненых боков накопителя.

И в этот самый миг мир для Андрея перевернулся.

Произошел резкий, оглушительный внутренний толчок. В глубине его груди, прямо там, где все эти часы зияла ледяная и тянущая пустота, словно повернулся огромный ржавый ключ. Сухие, сжатые до предела каналы в его плечах и предплечьях мгновенно расширились с резкой, острой болью, которая тут же сменилась невероятным, горячим приливом облегчения.

Золотистый свет внутри накопителя в его руке стремительно померк, буквально втянувшись сквозь поры сухой кожи ладони. По венам Андрея хлынул мощный, вибрирующий поток чистейшей, жидкой энергии. Это не было похоже на мягкое тепло от сытной еды Теодора. Это была концентрированная, живая сила, которая с ревущим шумом устремилась вверх по его руке, прошивая грудную клетку и заполняя высохший колодец его ядра до самых краев.

Внутреннее чутье Андрея, привыкшее оперировать понятными физическими концептами, тут же подсказало ему точное сравнение. Это ощущение было невероятно похоже на то, как в ледяную, мертвую плоть внезапно вливается живая, горячая сила. Иссохшие каналы мгновенно наполняются согревающим потоком, дремлющее чутье просыпается, а всё тело начинает пробуждаться, готовясь к новому вздоху полной, живой жизни. Его тело прямо сейчас проходило то самое первое пробуждение, согреваясь изнутри и наполняясь силой.

Андрей шумно, со свистом выдохнул сквозь зубы. Его кожа на мгновение покрылась едва заметным золотистым свечением, а дыхание стало ровным и глубоким. Глаза мужчины блеснули новой, живой силой.

Ограненный камень в его руке стал абсолютно прозрачным и тусклым, превратившись в обычное стекло. Андрей разжал пальцы, позволяя опустошенному накопителю упасть на постамент с тихим стуком.

— Невероятно... — прошептал он, глядя на свои ладони, под кожей которых теперь отчетливо ощущалось приятное, вибрирующее тепло. — Я действительно... я чувствую это.

— Его каналы проснулись, — сурово констатировал Гролл, довольно усмехнувшись. — Посмотрите на его осанку. Он принял силу как должное, без криков и слез, которые обычно бывают у молодых послушников при первом соприкосновении с маной. У него сильный разум.

— А теперь, Андрей, попробуй еще раз, — негромко, но очень настойчиво произнес Нандориал, указывая на парящий измерительный кристалл. — Коснись его сейчас, пока сила течет по твоим венам.

Андрей поднял руку. Теперь он чувствовал невидимое давление, исходящее от радужного кристалла. Воздух вокруг постамента казался заряженным, как перед грозой. Он уверенно сделал шаг вперед и твердо прижал ладонь к грани измерительного камня.

Зал на секунду погрузился в абсолютную, звенящую тишину.

А в следующую секунду измерительный кристалл буквально сошел с ума.

Радужный туман внутри него мгновенно закипел, превратившись в яростный, бушующий вихрь. Кристалл вспыхнул ослепительным багровым пламенем Огня, от которого по залу пронеслась волна сухого жара. Спустя мгновение алый свет сменился глубокой, ревущей лазурью Воды, заставив

воздух стать влажным и прохладным. Затем камень налился тяжелым изумрудно-коричневым сиянием Земли, заставив весь замок едва заметно вздрогнуть, после чего вспыхнул чистейшим серебром Воздуха и пространственной магии.

Все возможные стихии Андарики сменяли друг друга с бешеной, калейдоскопической скоростью, заливая стены Приемного зала безумным каскадом ярких цветных вспышек. Наставники инстинктивно отступили на шаг, прикрывая глаза ладонями от этого неистового сияния.

И вдруг буйство красок резко прекратилось.

Все бушующие потоки стихий мгновенно втянулись обратно в центр кристалла, словно схлопнувшись в одну-единственную точку. Измерительный камень замер. Радужный туман исчез без следа. Кристалл осел, став абсолютно матовым, тяжелым и глубоким фиолетово-черным, словно кусок бездонного ночного неба, в самой глубине которого лениво пульсировали редкие золотые искры звезд.

Андрей медленно отнял руку, тяжело дыша.

В Приемном зале повисла мертвая, оглушительная тишина. Наставники стояли неподвижно, потрясенно глядя на матовый фиолетово-черный камень.

— Универсал... — едва слышно, с благоговейным трепетом произнесла Кларисса, нарушая молчание. — Этого просто не может быть. Последний Универсал погиб еще до начала Великой осады.

Ректор Нандориал медленно перевел взгляд с кристалла

на Андрея. В его мудрых глазах теперь горел совершенно иной, яркий и живой огонь надежды.

— Кристалл никогда не врет, — тихо, но твердо произнес Ректор. — Перед нами не просто гость из другого мира, друзья. Перед нами тот, в ком уживаются абсолютно все стихии Андариин. Единственный Универсал в этом запечатанном мире.

После того как утихло безумное сияние измерительного кристалла, в Приемном зале еще долго стояла оглушительная тишина. Наставники переглядывались с нескрываемым изумлением, в их глазах застыло благоговение перед силой, которой они не видели больше тысячи лет. Ректор Нандориал бережно взял со стола второй накопитель маны, более крупный и темный, напоминающий глубокий сапфир, наполненный чистой синей энергией.

— Тебе понадобятся силы, Андрей, — произнес Ректор, протягивая камень. — Твое ядро проснулось, но оно лишь пригубило силу. Для того, что нам предстоит совершить внизу, тебе нужен полный источник силы. Возьми его.

Андрей молча кивнул и взял сапфировый накопитель. В этот раз триггер не был болезненным. Его каналы, уже очищенные и расширенные первой порцией маны, встретили новый поток живой энергии с радостным, глубоким облегчением. Он почувствовал, как синий свет втянулся в его ладонь, а по телу разлилась густая, плотная и устойчивая сила, которая окончательно вытеснила остатки слабости из его

груди. Андрей расправил широкие плечи, чувствуя невероятную бодрость и ясность мыслей. В свои тридцать четыре года он еще никогда не чувствовал себя настолько сильным, здоровым и готовым к любым испытаниям.

— Теперь ты готов увидеть сердце нашей Академии, — Нандориал жестом пригласил его следовать за собой. — Мы должны спуститься к плитам перехода. Если в тебе действительно живет дар Универсала, ты — единственный, кто способен вернуть жизнь в заснувшие арки перехода.

Наставники двинулись к дальней стене зала, и Андрей со Стражем Арном пошли следом. По пути его привычный к логике ум, привыкший раскладывать любые сложные процессы на составляющие, невольно продолжал искать понятные аналогии. Получив вторую порцию маны, он чувствовал себя так, словно его внутренний резерв сил прошел полную, стопроцентную наполненность. Все органы и чувства функционировали с предельной ясностью, а очищенные каналы были готовы пропускать через себя колоссальные потоки чистой природной энергии.

Они подошли к неприметной арочной нише в стене, украшенной скромной резьбой в виде переплетенных корней деревьев. Гролл, могучий мастер Земли, шагнул вперед и прижал свою тяжелую мозолистую ладонь к едва заметному каменному выступу. Раздался глухой, вибрирующий скрежет, и гранитная стена плавно ушла в сторону, открывая проход к крутой винтовой лестнице, уходящей глубоко вниз, в непро-

глядную темноту фундамента замка.

— Это оборонительный спуск, — негромко пояснил Страж Арн, делая шаг на первую ступень. — Он ведет в самые глубокие подвалы башни, минуя основные жилые и учебные ярусы. В прежние времена этот путь держали в строжайшем секрете на случай прорыва внешних стен.

Лестница была невероятно узкой и крутой. Ступени, высеченные из грубого темного камня, были покрыты вековой пылью, а стены дышали первобытным холодом и сыростью. Здесь не было парящих хрустальных сфер. Время от времени на поворотах стены вспыхивали скромные рунные знаки Земли, освещая путь тусклым янтарным светом. Андрей шел осторожно, придерживаясь рукой за шероховатый камень стены, чувствуя, как с каждым десятком шагов воздух становится все более плотным и насыщенным запахом древнего камня и озона.

Они спускались очень долго, уходя под землю на десятки метров, глубоко под фундамент исполинского замка. Наконец, лестница закончилась, и они вышли в колоссальную подземную пещеру.

Пространство пещеры поражало воображение своим диким, первозданным величием. Огромный куполообразный свод терялся в вышине, а с потолка свисали гигантские сталактиты, сверкающие редкими вкраплениями драгоценных камней. Но внимание Андрея мгновенно приковал центр пещеры.

Там, на идеально круглой платформе из гладкого черного камня, располагался грандиозный круг перехода. Прямо в камень были встроены пять массивных гранитных плит, расположенных на равном расстоянии друг от друга по периметру круга. На поверхности каждой плиты были высечены сложные, глубокие рунные узоры, которые сейчас были темными, холодными и забитыми пылью веков.

В самом центре круга на небольшом каменном постаменте покоилась огромная, детальная каменная карта мира Андариин. Из разных точек этой карты поднимались тонкие, хрустальные иглы-маяки, на вершинах которых были закреплены крошечные разноцветные кристаллы. Почти все они сейчас были тусклыми и мертвыми, и лишь четыре маяка, расположенные по самым краям карты, едва заметно мерцали слабым, угасающим светом.

— Вот оно, — тихо произнес Ректор Нандориал, останавливаясь у края круга. — Главное перекрёстное средоточие Академии. Двенадцать веков назад эти плиты связывали нас со всеми уголками Андариин. Через эти ворота к нам приходили учиться лучшие умы эльфов, гномов, орков и людей. Но когда я запечатал купол, вся эта сеть погрузилась в сон, утратив искру. Она заснула, потеряв связь с внешними маяками.

— И что мне нужно сделать? — спросил Андрей, подходя ближе к карте мира и с любопытством рассматривая хрустальные иглы.

— Твоё ядро уникально, Андрей, — Нандориал повер-

нулся к нему, и его лицо выражало крайнюю серьезность. — Будучи Универсалом, ты можешь пропустить через свое тело ману любого качества, не испытывая отторжения. Твоя задача — встать в центр круга, положить руки на управляющую плиту карты и направить тонкий, малый жгут своей энергии к одного-единственному маяку. Мы должны прощупать связь, понять, остался ли хоть один рабочий канал на той стороне. Направь силу очень аккуратно, шаг за шагом, к маяку эльфов в Астерионе. Попробуем установить хотя бы минимальный отклик.

Андрей посмотрел на карту, затем на темные гранитные плиты вокруг. В его мыслях снова вспыхнула понятная физическая аналогия. Перед ним находился грандиозное средоточие древних связных дорог, которое когда-то соединяло отдалённые земли по всему континенту. Сейчас все нити были мертвы, настроенные печати молчали, а далёкие маяки стояли в глухом безмолвии, посылая лишь редкие, едва заметные отзвуки в надежде уловить живой отклик главного средоточия. Ему предстояло вдохнуть силу в главную жилу и попытаться восстановить утраченную связь с далёкими землями.

— Я понял задачу, — спокойно ответил Андрей, делая шаг на платформу. — Я попробую пробудить эти спящие арки.

Андрей ступил на платформу из черного камня и медленно подошел к круглой плите с картой Андари в центре. Теп-

лая, плотная энергия, полученная из сапфирового накопителя, продолжала мягко пульсировать под его кожей, наполняя тело бодростью. Он положил обе ладони на плоские направляющие выступы по бокам карты. Камень отозвался легким, щекочущим теплом, словно приветствуя его.

— Теперь сосредоточься, Андрей, — напутствовал его Ректор Нандориал, стоя у самого края круга. Его золотистая аура слегка затрепетала от волнения. — Найди внутри себя поток силы и плавно, очень аккуратно направь тонкую нить маны к северо-восточному маяку Астериона. Только туда. Нам нужно послать короткий одиночный зов, чтобы просто проверить отклик принимающей стороны. Не спеши и не пытайся дать слишком много энергии.

Андрей прикрыл глаза, погружаясь во внутреннее пространство своего ядра. Он легко нашел там плотное облако синей маны, лениво клубящееся в глубоком колодце его сил. Отделив от него тонкий жгутик энергии, он вывел его сквозь ладони наружу, направляя в глубь управляющего камня карты.

Но как только его сила вошла в древний камень, практический ум Андрея мгновенно уловил суть переплетения дорог. Он сразу понял, что замысел Ректора был чересчур осторожен. Направить одну тонкую нить к единственному далёкому маяку в уснувшей паутине дорог — это всё равно что бросить робкий зов в пустоту, где он растворится без ответа. Чтобы пробудить угасшую сеть арок, требовался не роб-

кий одиночный зов, а мощный одновременный призыв по всем открытым направлениям. Нужно было вдохнуть силу во все четыре живые арки разом, послав полноводный поток ко всем далёким маякам. Только так можно было пробить вековое молчание и принудительно пробудить ответные маяки.

Андрей принял решение мгновенно. Вместо одной тонкой нити он резко, решительным усилием воли разделил поток своей маны на четыре мощных, плотных жгута силы. Словно живое тепло потекло по четырём жилам, устремляясь в глубины карты.

— Андрей, стоп! Что ты делаешь?! — испуганно выкрикнул Ректор Нандориал, почувствовав резкий резкий всплеск силы. — Остановись! Арки не выдержат такого потока!

Но было уже поздно.

Четыре угасающих маяка на краях каменной карты одновременно вспыхнули ослепительным, яростным светом. По залу прокатилась мощная сейсмическая волна, заставив каменный пол под ногами задрожать. Воздух в подземной пещере мгновенно уплотнился до предела, наполнившись резким запахом озона, жженой хвоей и грозовой свежестью.

По всему периметру платформы проснулись древние гранитные плиты. Рунные узоры на их поверхности вспыхнули чистейшим серебром пространственной магии, заливая пещеру ровным, величественным светом.

В ту же секунду прямо над четырьмя плитами воздух на-

чал стремительно закручиваться. Пространство задрожало, покрывшись сетью мелких серебряных трещин, и четыре ослепительных вихря чистой маны с ревущим шумом возникли из ниоткуда. Воздушные потоки поднимали настоящую бурю, срывая пыль веков с темных плит и заставляя плащи наставников яростно биться за их спинами.

Андрей стоял в самом центре этой бури, крепко сжав челюсти и до боли уперевшись ладонями в управляющий камень карты. Колоссальный поток энергии ревел внутри его тела, проходя сквозь его ядро. Он чувствовал, как сила уходит из него полноводными реками, связывая воедино пространства четырех отдаленных краев Андариин.

Вспышка была настолько яркой, что на секунду ослепила всех присутствующих. Раздался оглушительный, хрустальный звон, похожий на одновременный удар тысячи колоколов, и буря мгновенно утихла. Серебряные вихри схлопнулись, оставив после себя лишь легкие облачка тающего озона.

На четырех гранитных плитах круга перехода ничком лежали четыре бесчувственных тела.

На первой плите, тяжело дыша и сжимая в руке свернутый чертеж нижних штреков, лежал высокий, худощавый гном. Его лицо было покрыто копотью и грязью, а на виске запеклась тонкая струйка крови.

На второй плите, раскинув руки, лежала могучая, статная орчанка. Из-под ее растрепанных темных волос виднелись

острые клыки, а дыхание было прерывистым и тяжелым.

На третьей плите, уткнувшись лицом в холодный гранит, лежал молодой светловолосый мужчина в богатом, но сильно изорванном камзоле с золотой вышивкой. Его правый бок был залит свежей кровью, а пальцы судорожно сжимали сломанный эфес изящного меча.

На четвертой плите застыла изящная эльфийка в длинном серебряном платье, усыпанном крошечными жемчужинами. Ее серебряные волосы разметались по гладкому камню, а бледное лицо казалось высеченным из чистейшего мрамора. Все они выглядели так, словно их вырвали из когтей неминуемой смерти или вытащили из самого центра страшной катастрофы в их родных краях.

Андрей почувствовал, как его ноги мгновенно подкосились. Сила ушла из него без остатка, оставив после себя лишь дикую, свинцовую усталость и звон в ушах. Мир перед его глазами начал медленно темнеть и вращаться.

Он покачнулся и начал валиться на бок, но сильные, надежные руки Стража Арна подхватили его у самого пола, не дав упасть на жесткий камень.

— Ты справился, Андрей, — глухо произнес Страж, бережно поддерживая его. — Портал сработал. Они здесь.

Андрей из последних сил приоткрыл глаза, глядя на бесчувственные фигуры незнакомцев на плитах портала. Его измученный разум успел зафиксировать последнюю, четкую мысль перед тем, как окончательно погрузиться в спаситель-

ное забытие: спокойная и размеренная жизнь в Академии закончилась, так толком и не начавшись, и впереди их ждет настоящая, суровая буря.

Он закрыл глаза и провалился в глубокую, глухую темноту.

Глава 3. Гном

Вэндель был неправильным гномом. В глазах большинства обитателей Подгорного Королевства — суровых, коренастых мастеров, чья жизнь вращалась вокруг раскаленного горна, звона наковален и вечной тяжести гранита, — он казался нелепым недоразумением, чужаком, случайно рожденным под сводами древних пещер. Соседские мальчишки из кузнечных кварталов за глаза называли его тонкокостным верстовым столбом, а взрослые мастера при встрече лишь жалостливо покачивали головами, поправляя свои густые тяжелые бороды.

И на то были свои веские причины. Гномье племя славилось своей приземистой, несокрушимой мощью: истинный житель глубин походил на монолитную скалу — широкий в плечах, кряжистый, с тяжелыми мозолистыми руками, способными с утра до ночи махать тяжелым пудовым молотом. Вэндель же разительно отличался от своих сверстников. Его высокий рост, узкие плечи, тонкие запястья и изящные длинные пальцы казались среди суровых подгорных воинов верхом хрупкости. Лицо его было бледным и лишенным здорового кузнечного румянца, а вдумчивые карие глаза смотрели на окружающий мир со странным, неуместным для гнома мечтательным спокойствием.

Причину этой неправильности все в доме прекрасно зна-

ли. Его мать, добросердечная Хельга, была наполовину человеком. Её мать — родная бабушка Вэнделя — когда-то давно была обычной человеческой женщиной из далеких южных земель. Полюбив великого гномьего мастера, она приняла отчаянное решение променять теплое солнце поверхности на величественный мрак подземных залов. К несчастью, суровый климат глубин и тяжелые роды оборвали её короткую земную жизнь. Осиротевшую Хельгу её отец, лучший ювелир королевства, растил в одиночку. Старый мастер так и не женился во второй раз, отдав всю свою нежность дочери, а все секреты ювелирного мастерства — своему единственному, самому талантливому ученику Хагриму. Впоследствии Хагрим стал его зятем и главой большой семьи кузнецов, в которой родились трое сыновей.

Старшие братья Вэнделя, Хальдур и Тормен, унаследовали исключительно гномью кровь. Они выросли настоящими хозяевами подземелий: невысокие, коренастые, с широкими грудными клетками и тяжелыми кулаками. С самого раннего детства они во всем подражали отцу, проводя дни напролет в огромной семейной кузне. Там, посреди удушливого жара мехов, летящих во все стороны огненных искр и оглушительного грохота, ковался лучший мифрил Подгорного Королевства. Братья гордились своей силой и не мыслили иной судьбы, кроме как продолжить великое семейное дело.

Вэндель же чувствовал себя в этой кузне совершенно лишним. Жар горна обжигал его бледную кожу, от угольного

дыма слезились глаза, а кузнечные клещи вываливались из тонких рук. Пока его братья с восторгом спорили о формулах закалки стали и плотности рудных жил, Вэндель находил спасение в библиотеке.

Благодаря человеческой бабушке, оставившей после себя богатое наследство, в их доме целых три просторные комнаты занимали книги. Книжные полки, сделанные из темного лакированного дуба, уходили под самые базальтовые своды потолка. Здесь пахло не расплавленной медью и углем, а сушеной лавандой, старым пергаментом, книжной кожей и сургучом. Вэндель мог часами сидеть на деревянной стремянке, бережно перелистывая хрупкие страницы древних манускриптов. Его манили не практичные чертежи рудничных машин или расчеты прочности каменных опор, а старинные легенды о забытых приключениях, великой магии прошлых эпох и загадочном мире на поверхности, о котором современные гномы вспоминали всё реже, предпочитая не думать о том, что скрывается за пределами их темных пещер.

Когда юноша подрос, его страсть к знаниям вышла далеко за пределы семейной библиотеки. Отец Вэндела, почтенный Хагрим, на протяжении многих лет оставался близким и доверенным другом Короля Аргуса. Правитель Подгорного Королевства высоко ценил редкую для современных гномов любознательность и пытливый ум молодого человека. С высочайшего королевского соизволения Вэндель получил редкую привилегию — свободный доступ в Великую Королев-

скую Библиотеку, скрытую в самых глубоких и охраняемых ярусах дворца.

Именно под этими величественными древними сводами, освещенными ровным голубоватым светом хрустальных сфер, и произошла встреча, которая навсегда изменила его судьбу.

Дочь короля гномов, прекрасная принцесса Имли, тоже родилась слишком высокой для своей расы. Она стояла почти вровень с Вэнделем, обладая удивительной, благородной осанкой и живым, острым умом. В то время как другие гномьи девушки проводили время за обсуждением драгоценных украшений и клановых интриг, Имли предпочитала скрываться в тишине библиотечных залов.

Их дружба родилась естественным образом. Сначала это были лишь редкие, вежливые кивки при встрече у книжных стеллажей, затем — тихие обсуждения редких трактатов по истории Андари. Очень скоро они начали проводить вместе целые дни. Склонившись над массивным дубовым столом при мягком свете лавандовых ламп, они часами изучали древние, осыпающиеся от времени географические карты. Они прослеживали пальцами тонкие линии давно высохших рек, заброшенных дорог и парящих городов, гадая, что на самом деле скрывается за далекими каменными хребтами их подземного мира и каково это — увидеть настоящее небо.

С каждым прожитым годом их невидимая духовная связь крепла, перерастая во что-то гораздо более глубокое, чем

простое юношеское увлечение. К шестнадцати годам они уже не могли представить своей жизни без ежедневных встреч. Они понимали друг друга без слов, общаясь на своем собственном, понятном только им двоим языке полувзглядов и легких улыбок.

За месяц до восемнадцатилетия Имли, когда библиотечный зал был погружен в особенную, торжественную тишину, а тени от древних колонн лениво растягивались по плитам пола, Вэндель наконец решился сделать самый важный шаг в своей жизни. Сердце его бешено колотилось в груди, отдаваясь глухим стуком в висках, когда он осторожно сжал её теплые, изящные ладони в своих руках.

— Имли, — тихо произнес он, глядя прямо в её глубокие, блестящие в полумраке глаза. — Я больше не могу скрывать то, что живет в моей душе. Каждая прочитанная мной книга, каждая древняя карта и каждый мой сон обретают смысл только тогда, когда ты находишься рядом. Я люблю тебя. И сделаю все, чтобы мы никогда не расставались.

Принцесса не отняла рук. Она долго смотрела на него со смесью нежности и глубокой, горькой печали, которая мгновенно заставила Вэнделя насторожиться.

— Вэндель, — тихо и грустно ответила Имли, и в её голосе прозвучали нотки обреченности. — Мое сердце бьется в такт твоему, и ты это прекрасно знаешь. Но ты должен понимать... мой отец никогда не одобрит этот союз.

— Но почему? — вскрикнул Вэндель, чувствуя, как хо-

лодная тревога начинает заполнять его грудь. — Мой отец — Хагрим, он величайший мастер Подгорного Королевства и близкий друг короля! В наших жилах течет благородная кровь кузнецов!

— Этого слишком мало для короны, — Имли мягко погладила его пальцы. — По законам наших предков, гном, который станет моим мужем, унаследует престол и корону Подгорного Королевства после ухода моего отца. А для того, чтобы посадить на трон чужака, не принадлежащего к правящей династии, необходимо единогласное согласие глав всех влиятельных кланов государства. Они суровы, консервативны и никогда не признают своим правителем неправильного гнома-книжника, который ни разу в жизни не держал в руках ничего тяжелее пера.

— Но мне не нужен трон, Имли! — с жаром воскликнул он, крепче сжимая её ладони. — Мне нужна только ты! Мы можем уйти, покинуть эти залы, найти теплое место под солнцем...

— Никто не может просто так уйти от законов Подгорья, Вэндель, — Имли покачала головой, и на её длинные ресницы набежала прозрачная слеза. — Если мы сбежим, нас объявят изгнанниками, лишенными имени и покровительства предков. Это верная смерть. Чтобы заставить кланы склонить головы, нужен не побег. Нужен великий подвиг, неоспоримое доказательство твоей силы и мудрости, которое заставит замолчать даже самого упрямого старейшину.

Слова Имли упали в прохладную тишину библиотеки подобно тяжелым гранитным камням, брошенным в зеркальную гладь подземного озера. Вэндель почувствовал, как воздух вокруг него внезапно стал холодным и удушливым, а надежды, еще мгновение назад казавшиеся такими осязаемыми, начали медленно таять. Он непроизвольно ослабил хватку, но Имли сама крепче сжала его длинные пальцы, словно стараясь передать ему хотя бы крупицу своего тепла.

— Молот Торина? — переспросил гном, и его голос сорвался на глухой, испуганный шепот. — Но Имли, это же чистое безумие! Ты ведь сама прекрасно знаешь, какие легенды ходят о Запретном городе. Уже более четырехсот лет ни одна живая душа не возвращалась оттуда. Те смельчаки, что пытались переступить его порог, либо бесследно сгинули в черных глубинах, либо пополнили легионы безвольной нежити, обреченной вечно блуждать среди руин.

— Я знаю, Вэндель, — тихо и горько ответила принцесса. Из её глаз скатилась одинокая слеза, прочертив тонкую дорожку на бледной щеке. — Видит небо, я знаю это лучше любого другого. Но у нас просто нет иного выбора. Если мы хотим быть вместе, старейшины кланов должны увидеть не просто книжника со странной родословной, а героя, перед величием которого они будут вынуждены склонить свои упрямые головы. Принести Молот Первого Короля — это единственный подвиг, способный заставить замолчать даже самого упрямого старейшину.

Вэндель медленно повернулся к столу, на котором лежала раскрытая карта древней Андари. Его пальцы коснулись пожелтевшего, хрупкого края пергамента. Он мысленно представил себе Запретный город — колоссальный мертвый мегаполис, запечатанный в глубоких штрехах много веков назад после страшной катастрофы. В гномьих легендах это место описывалось как проклятая преисподняя, где воздух отравлен могильным ядом, а во тьме пируют могущественные Личи и некроманты, сохранившие свой зловещий разум и лютую ненависть ко всему живому. От одной мысли о том, чтобы добровольно спуститься туда в одиночку, сердце сжималось от первобытного страха.

— Мой отец, конечно, близкий друг короля, — заговорил Вэндель, пытаясь унять дрожь в голосе. — Но король Аргус не станет рисковать жизнями ради пустой прихоти. Запретный город запечатан не просто так. Охрана стоит там круглые сутки.

— Напрямую через главные ворота тебя, конечно, не пропустят ради прогулки, — Имли подошла ближе, её теплое дыхание коснулось его плеча. — Но если ты официально попросишь разрешения на этот поход перед всем королевским советом, отец будет вынужден выслушать тебя. Он уважает традиции предков. Если ты заявишь о своем праве совершить испытание ради моей руки, король даст разрешение на поход и лично вручит тебе древние карты нижних штрехов. Но помни: это будет официальный королевский указ, и цена

неудачи окажется страшной.

Вэндель шумно выдохнул, чувствуя, как внутри него за-
вязывается тугой, ледяной узел решимости.

— У нас действительно так мало времени? — тихо спро-
сил он.

— Ровно месяц, Вэндель, — в голосе принцессы прозвучала нескрываемая обреченность. — В день моего восемна-
дцатилетия, когда наступит праздник зимнего солнцестоя-
ния, отец будет обязан объявить имя моего будущего супру-
га. У него уже есть готовые договоренности с главой влия-
тельного клана банкиров. Их старший сын — высокомерный
и глупый гном, который видит во мне лишь красивую игруш-
ку и законный шаг к королевскому престолу. Король очень
ценит твою семью, но он не сможет пойти против закона и
воли всех кланов ради нашей любви. Если через месяц ты
не вернешься с Молотом, брачный договор будет подписан,
и мы потеряем друг друга навсегда.

— Я принесу этот Молот, Имли, — твердо произнес Вэн-
дель, и его карие глаза блеснули упрямым, чисто гномьим
огнем. — Чего бы мне это ни стоило. Я не отдам тебя бан-
кирам.

Вечером того же дня в их семейном доме, расположенном
в тихом и престижном квартале мастеров, царила привыч-
ная, домашняя атмосфера. Помещения пахли уютным уголь-
ным дымом, сушеным вереском и каленым металлом, кото-
рый его братья и отец приносили на своей одежде из кузни-

цы.

После скромного семейного ужина старшие братья Хальдур и Тормен отправились отдыхать, а мать Хельга тихо шуршала посудой на кухне. В большой гостиной, освещенной лишь мягким, багровым сиянием камина, остались только двое.

Почтенный Хагрим сидел в глубоком каменном кресле, укрытом теплой медвежьей шкурой. Это был крепкий, коренастый гном с широкой седеющей бородой, аккуратно заплетенной в тяжелые косы, и лицом, покрытым глубокими морщинами от многолетнего труда у раскаленного горна. Он молча смотрел на танцующие языки пламени в очаге, лениво покуривая длинную глиняную трубку. Ароматный дым из сушеных трав медленно поднимался к базальтовому потолку, закручиваясь в призрачные спирали.

Вэндель стоял у окна, вглядываясь в темноту улицы, где внизу, в глубоких провалах пещер, мерцали россыпи тысяч разноцветных кристаллов, заменявших подгорным жителям звезды. Наконец, преодолев минутное колебание, он подошел к отцу и сел на низкую скамью напротив него.

— Отец, мне нужно поговорить с тобой о важном деле, — негромко произнес он.

Хагрим не шевельнулся. Он сделал еще одну глубокую затяжку, выпустил облачко сизого дыма и лишь слегка повернул голову к сыну. Его мудрые, уставшие за день глаза смотрели спокойно и проницательно.

— Я слушаю тебя, сынок. И судя по твоему лицу, разговор предстоит нелегкий. Это как-то связано с твоими частыми визитами в королевскую библиотеку?

Вэндель глубоко вздохнул, собираясь с силами. Он понимал, что скрывать правду от отца бессмысленно — старый мастер слишком хорошо знал своего странного сына-книжника.

— Да, отец. Это касается Имли. Я люблю её, и она отвечает мне взаимностью. Но её отец король никогда не одобрит наш союз, пока я не совершу великий подвиг, способный впечатлить всех глав кланов. Я принял решение просить у короля официальное разрешение на поход в Запретный город, чтобы вернуть священный Молот Торина.

Хагрим резко замер. Его трубка застыла в нескольких дюймах от губ, а огонек в чашечке на мгновение вспыхнул ярче. Старый гном медленно опустил руку на колено и внимательно всмотрелся в бледное лицо сына. В гостиной повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием березовых поленьев в очаге.

— Запретный город? — переспросил Хагрим, и его низкий бас прозвучал непривычно глухо и грозно. — Молот Торина? Сынок, ты хоть понимаешь, о чем ты сейчас говоришь? Это не сказки из твоих пыльных фолиантов и не легенды о древних героях. Это проклятая преисподняя, заполненная смертью и первобытным ужасом. Ни один воин нашего королевства, даже самый опытный и закованный в луч-

шую мифриловую броню, не выживал там дольше нескольких часов. А ты — книжник, который ни разу в жизни не держал в руках настоящего боевого клинка!

— Я всё прекрасно понимаю, отец, — тихо, но удивительно твердо ответил Вэндель, не отводя взгляда. — Я знаю все риски. Но у меня нет другого пути. Если я откажусь, через месяц Имли выдадут за сына главы банкиров, а меня объявят изгнанником, если я попытаюсь помешать. Я не смогу жить с мыслью, что струсил и предал нашу любовь.

Хагрим долго молчал, вновь уводя взгляд к огню. Его широкие, мозолистые ладони, способные укрощать самую твердую сталь, крепко сжали деревянные подлокотники кресла. Вэндель видел, как тяжело вздымаются плечи отца под простой холщовой рубахой. Старый мастер искренне любил своего необычного сына и безумно боялся потерять его в бездонной тьме заброшенных шахт.

— Король Аргус — мой близкий друг на протяжении многих лет, — медленно, после долгой паузы заговорил Хагрим. — Он справедлив, но законы Подгорья для него священны. Если ты действительно тверд в своем решении, завтра утром мы вместе отправимся во дворец. Я встану рядом с тобой перед престолом. Мы попросим у его величества разрешение на этот поход и древние карты закрытых нижних штреков. Но ты должен быть готов к тому, что король поставит перед тобой жестокие условия, которые ты не сможешь обойти.

Старый мастер отложил трубку на каменную полку ками-

на и тяжело положил свою огромную, теплую ладонь на плечо Вэнделя, слегка сжав его пальцами.

— Подумай еще раз, сынок. Спроси себя у самого очага своего сердца — готова ли твоя душа заплатить такую цену?

— Мое решение окончательно, отец, — ответил Вэндель, накрыв ладонь отца своей рукой. — Я не изменю его. Спасибо тебе.

Хагрим лишь горестно вздохнул и прикрыл глаза, моля предков о том, чтобы их древняя мудрость уберегла его неправильного, но бесконечно любимого сына на этом смертельно опасном пути.

Утро в Подгорном Королевстве не принесло с собой привычной тишины. Для Вэнделя оно началось со стука в дверь и озабоченного, тяжелого взгляда отца. Почтенный Хагрим вернулся из королевского дворца непривычно быстро. На его широком лбу залегла глубокая складка тревоги, а пальцы, обычно уверенно сжимавшие кузнечные инструменты, нервно теребили подол походного жилета.

— Собирайся, сынок, — глухо произнес старый кузнец, останавливаясь на пороге его комнаты. — Король хочет говорить с тобой лично.

Они шли к дворцу в полном молчании, окруженные вечным, монотонным гулом работающих на нижних ярусах рудников и далеким перестуком молотов. Величественные каменные своды королевского квартала, высеченные из цельного массива серого гранита, сегодня казались Вэнделю осо-

бенно давящими и тяжелыми. Огромные базальтовые колонны, украшенные древней резьбой в виде переплетенных корней и звездных путей, нависали над головой, словно безмолвные судьи, наблюдающие за последней прогулкой приговоренного.

Во дворце их не повели в парадный тронный зал. Вместо этого молчаливые гвардейцы в глухих мифриловых шлемах, сжимая в руках тяжелые алебарды, провели Хагрима и Вэнделя в небольшую, уединенную королевскую канцелярию. В комнате царил строгий подгорный аскетизм: несколько тяжелых каменных кресел, укрытых жесткими сухими шкурами пещерных ящеров, и массивный круглый стол, высеченный из цельного куска темного обсидиана. На полированной черной поверхности стола лениво дрожали блики лавандовой хрустальной сферы, освещавшей помещение ровным, прохладным светом.

Гвардейцы молча закрыли за ними тяжелую бронзовую дверь, и в помещении повисла густая, звенящая тишина. Хагрим грузно опустился в одно из кресел, устало прикрыв глаза, а Вэндель остался стоять у стены, чувствуя, как от волнения пересыхает в горле.

Они ждали около часа. Время в этой каменной коробке текло мучительно медленно, словно густая горная смола, капаящая с потолка заброшенных штреков. Каждая минута ожидания казалась Вэнделю вечностью. Он мысленно прокручивал в голове предстоящий разговор, пытаясь подобрать

правильные, веские слова, но все они казались жалкими и неуместными перед лицом верховной власти Подгорья.

Наконец тяжелые дверные петли глухо скрипнули, нарушив томительное безмолвие. В комнату вошел Король Аргус.

Правитель гномов не носил в этот час парадных доспехов и золотой короны, но его величие не нуждалось в богатых украшениях. Это был могучий, крепкий гном с широким размахом плеч, чья роскошная темная борода с серебряными прядями седины была перехвачена тремя массивными золотыми кольцами. Его лицо, иссеченное глубокими морщинами и отмеченное печатью вечной государственной заботы, выражало суровое, усталое недовольство. Великий король Подгорья выглядел как правитель, вынужденный отвлекаться от важных государственных дел ради глупой и опасной юношеской прихоти.

Вэндель мгновенно вскочил со своего места, почтительно склонив голову.

— Ваше величество, — негромко произнес он.

— Сиди уже, горе ходячее, — проворчал король Аргус, грузно усаживаясь в кресло напротив и кладя свои огромные, покрытые старыми шрамами руки на обсидиановый стол.

Король долго и пристально смотрел на молодого гнома, словно взвешивая на невидимых весах его худощавую, нетипичную фигуру и бледное лицо книжника. В его глубоких

серых глазах не было ярости — там читалась лишь холодная, усталая досада правителя, чьи тщательно выверенные планы рухнули из-за упрямства влюбленных сердец.

— Имли мне всё рассказала, — медленно, после долгой паузы заговорил Аргус, и его низкий, рокочущий бас заставил лавандовое свечение в сфере слегка вздрогнуть. — Не буду скрывать, парень: вы двое полностью разрушили мои долгосрочные политические планы. У меня были твердые договоренности с главой влиятельного клана банкиров. Его старший сын — сытый, разумный и вполне достойный кандидат на роль супруга моей дочери. Этот союз принес бы нашему королевству финансовую стабильность на многие десятилетия вперед. Но Имли решила иначе. Она наотрез отказалась принимать его ухаживания, заявив, что её сердце принадлежит тебе. А я... я слишком сильно люблю свою дочь, чтобы силой принуждать её к браку, ломая её волю.

Король устало вздохнул, и этот звук напомнил Вэнделю осыпающийся в шахте щебень.

— Но то, что ты задумал... Сынок, ты хоть понимаешь, какую глупость ты совершаешь? За последние четыреста лет из Запретного города никто не возвращался живым. Ни один опытный поисковик, ни один закованный в сталь отряд гвардейцев. Все они сгинули в этой проклятой бездне, пополнив собой бесконечную орду живущей там нежити. И ты действительно веришь, что твоя участь будет иной?

— Я должен попытаться, Ваше величество, — тихо, но

удивительно твердо ответил Вэндель, прямо встретив тяжелый взгляд короля. — Ради Имли я готов пройти сквозь любое пекло.

— Помолчи, я не закончил! — резко оборвал его Аргус, нахмутив густые брови. — Молот Первого Короля, если ты действительно сумеешь вернуть его в эти залы, станет неоспоримым, священным аргументом. Против воли Хранителя Молота Торина не посмеет высказаться ни один глава клана, и старейшины будут вынуждены признать твое право на её руку. Но найти его будет безумно трудно, а вернуться назад — почти невозможно.

Король полез под свой широкий кожаный пояс и извлек оттуда два предмета. Он бережно опустил их на полированный обсидиан стола.

Первым был свернутый в плотную трубку свиток плотного, пожелтевшего от времени пергамента, скрепленный тяжелой сургучной печатью с королевским гербом. Вторым — небольшая, изящная шкатулка из темного, почти черного дерева, украшенная скромной вязью защитных рун из светлого металла. Внутри, на подушке из темного бархата, покоился массивный серебряный браслет с вычеканенным по ободу рунным диском.

— Здесь древние чертежи закрытых нижних штреков и планы самого королевского дворца в Запретном городе, — Аргус постучал пальцем по свитку. — Это всё, что уцелело в наших архивах. Они помогут тебе сориентироваться во

тьме и не рухнуть в бездонные вентиляционные шахты. А в шкатулке лежит защитный амулет. Он настроен на удержание нежити.

Король придвинул шкатулку ближе к Вэнделю.

— Слушай меня очень внимательно, парень. Этот амулет — великое творение мастеров прошлого, но его силы не безграничны. Он способен отпугивать только слабую нежить — обычных скелетов и зомби. Сильных тварей вроде некромантов или Личей он не прогонит, но сможет замедлить их движения, дав тебе шанс спастись бегством. И запомни главное про его силу: однажды пробужденный, браслет держит защитный купол лишь около трех часов — но расходует запас только пока купол горит. Погасишь его — и отсчет замрет до следующего раза; вот только растраченного уже не вернуть. Потому не буди его загодя. Пробуди только во дворце, на месте, когда прижмет. Если растратишь эти часы в туннелях по дороге туда, до самого Молота ты просто не дойдешь — тебя сожрут.

Вэндель бережно, стараясь не дышать, откинул крышку шкатулки и вынул серебряный браслет. Прохладный металл лег в ладонь тяжелее, чем он ожидал. Гном застегнул его на левом запястье — обод сам собой чуть сжался, плотно обхватив руку, — и почувствовал, как его сердце ускоряет свой бег.

— Я всё понял, Ваше величество. Спасибо за доверие.

— Это не доверие, это вынужденная мера, — сухо отре-

зал король Аргус, переводя взгляд на Хагрима. — Если бы твой отец не был моим близким другом, с которым мы делили хлеб и металл в самые тяжелые годы, этого разговора вообще не состоялось бы. Я бы просто запер тебя в самой глубокой темнице, чтобы уберечь мою дочь от слез. Запомни главное: у тебя есть ровно один месяц времени с момента, как ты переступишь порог подземелий. Если через месяц ты не вернешься в эти залы, мы официально признаем тебя погибшим. И тогда Имли без лишних разговоров выйдет замуж за сына банкира. Мое слово твердо.

Вэндель молча кивнул. Один месяц — это был жестокий, но справедливый срок для подвига, который казался невозможным.

— И последнее, — добавил король, поднимаясь из-за стола. Его могучая фигура мгновенно заслонила свет хрустальной сферы. — Прощаться с Имли я тебе не позволю. Она сейчас находится под домашним арестом в своих покоях, и я всё еще очень зол на вас двоих за этот сорванный договор. Сразу после этого зайдешь в казармы гвардии к начальнику стражи, старому вояке Руму. Я дал ему личный приказ выдать тебе любые доспехи и оружие из королевского арсенала, которые тебе подойдут. Это всё, чем я могу тебе помочь. Ступай, герой. И постарайся вернуться живым.

Король развернулся и тяжелым, размеренным шагом покинул канцелярию, и звук его кованых сапог еще долго эхом отдавался под высокими каменными сводами дворцового ко-

ридора.

Хагрим медленно поднялся со своего кресла, тяжело положив руку на плечо сына.

— Ну что, сынок, — тихо произнес старый мастер. — Жребий брошен. Пошли к Руму.

Казармы королевской гвардии встретили Вэнделя и его отца резким, вьедливым запахом оружейного масла, каленой стали и дубленой кожи. В отличие от тихих, прохладных коридоров королевского дворца, здесь жизнь была ключом. Из тренировочных залов доносились глухие выкрики отрабатывающих удары воинов, тяжелый топот кованых сапог и мерный, ритмичный лязг тренировочного оружия.

Начальник стражи, старый вояка Рум, ждал их в своем просторном кабинете, стены которого были сплошь увешаны трофейными щитами и зазубренными мечами врагов. Это был суровый, приземистый ветеран с густой пепельно-серой бородой, подстриженной по старой военной моде, и глубоким шрамом, пересекавшим левую щеку от уха до самого подбородка. Его единственный уцелевший глаз смотрел на мир холодно и оценивающе.

Выслушав королевский приказ, Рум лишь тяжело вздохнул и с сомнением покачал головой, окинув Вэнделя долгим, скептическим взглядом.

— Ну что ж, — прохрипел ветеран, поднимаясь из-за тяжелого дубового стола. — Раз указ короля подписан, спорить я не имею права. Хотя, признаться честно, парень, отправ-

лять тебя в Запретный город — это всё равно что бросать голодным пещерным львам домашнего ягненка. Ну да ладно. Пошли в арсенал. Посмотрим, сможем ли мы подобрать на твою... нетипичную фигуру хоть что-то, что защитит тебя от когтей нежити.

Они спустились по крутой каменной лестнице в глубокие подвалы казарм, где за тяжелыми решетчатыми дверями скрывался королевский арсенал Подгорья. Вдоль сырых каменных стен тянулись бесконечные ряды деревянных стоек, на которых покоились сотни тяжелых мифриловых панцирей, массивных топоров, двуручных секир и огромных башенных щитов. От одного только вида этого снаряжения у Вэнделя невольно заныли плечи — средний гномьих доспех весил столько, что он просто не смог бы сделать в нем и десятка шагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.